

Лариса Михайловна Носаль

Larisa Mikhailovna Nosal

**«Моя жизнь — это не просто остеопатия,
это переплетение судеб»**

25 сентября российской остеопатии исполнился 31 год. Первые русские остеопаты с восхищением и почтением вспоминают своих учителей — Виолу Фрайман, Франсиса Пейралада, Роже Капоросси. Однако важной особенностью обучения в то время был языковой барьер: преподаватели — иностранцы, которые не знают русского языка, ученики — русские врачи, которые не владеют в достаточной степени иностранными языками. Поэтому своего рода «проводниками» стали переводчики — уникальные люди, сыгравшие немаловажную роль в том, чтобы остеопатия в России смогла развиваться.

Герой рубрики «Остеопатия в лицах» — **Лариса Михайловна Носаль**. Сегодня она руководитель международного отдела Института остеопатии Санкт-Петербурга. В 1996 г. по воле случая оказавшись переводчиком на семинаре Франсиса Пейралада, она вот уже 26 лет служит остеопатии, являясь не просто переводчиком, а хранителем традиций, воспоминаний, дружеских связей, выступая до сих пор и первоклассным дипломатом, и генератором многих идей.

Она перевела более 200 семинаров знаменитых европейских остеопатов — Франсиса Пейралада, Роже Капоросси, Дидье Леугра, Анри Этьенна, Сержа Паолетти, Сержа Зильбермана, Жан-Жака Дебру, Тьерри Лебурсье, Жерара Монте, — с которыми, по ее собственным словам, ее связывает не только работа, но и теплая многолетняя дружба.

Мы расскажем о том, какую роль сыграла Лариса Михайловна Носаль в развитии остеопатии и свидетелем каких событий она стала.

— Лариса Михайловна, обучение остеопатии в России в середине 1990-х гг. проводилось на французском языке, поэтому переводчики были незаменимыми людьми для слушателей остеопатических школ. Вы были одним из первых переводчиков на семинарах французских остеопатов. Как Вы пришли в профессию? И когда в Вашей жизни появилась остеопатия?

— С детства я мечтала стать преподавателем, всегда была уверена, что в этом мое предназначение. В 1954 г. я поступила во французскую школу в Ленинграде. Мы изучали французскую литературу, искусство, даже физика частично преподавалась на французском, уроки изобразительного искусства проходили в Эрмитаже. И, конечно, становилось понятно, что французский будет тем, чем я стану профессионально заниматься, с чем свяжу свое будущее, поэтому выбор французского отделения Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена был очевиден. После института я преподавала на первых ускоренных курсах французского в Кораблестроительном институте. Вся моя последующая работа переводчиком в большей степени уже связана с остеопатией, о которой я узнала совершенно случайно. Я работала в школе, в которой под моим руководством набирали

специальные классы с углубленным изучением французского. Как-то отец одного из моих учеников подошел ко мне и спросил: «Лариса Михайловна, есть ли у Вас свободное время? Одной остеопатической школе нужен переводчик с французского...». Тогда я уже немного переводила, мне это было интересно, и я согласилась. Это был 1996 г. Остеопатическая школа, в которую меня пригласили, была школой Тамары Ивановны Кравченко. Эта Русская высшая школа остеопатической медицины (РВШОМ) была создана при поддержке Роже Капоросси, в ней преподавали тогда французские остеопаты, а выпускники получали дипломы Высшей школы остеопатии Парижа.

История моего первого семинара для врачей довольно любопытна. Так как у меня не было медицинского образования, Тамара Ивановна посчитала, что переводить семинары я не смогу, но ей нужен был человек, который мог бы помогать с переводом на переговорах. И я осталась. В один из дней у Тамары Ивановны должна была состояться встреча, и меня пригласили переводить. Так случилось, что в этот день заболел переводчик, который обычно присутствовал на семинарах. Ситуация сложная — группа в сборе, преподаватель готов начать занятие, а переводчика нет. Срочно переводить просят меня, тема «Ухо». А я понимаю, что всё, что я знаю по теме «Ухо», — это наковальня и молоточек. Но делать нечего, я вошла в аудиторию и честно призналась: «Ребята, я ничего не знаю по этой теме, поэтому не будьте ко мне слишком строги». Эта была группа, в которой учились Тамара Кравченко, Алла Рыбникова, Андрей Червоток, Наталья Ходоровская, Надежда Харитоновна, Елена Иванникова, Константин Шарапов, Виктор Шалаев, Ольга Шелухина, а преподавателем был Франсис Пейралад.

После семинара произошло удивительное: группа обратилась к Тамаре Ивановне с просьбой приглашать для перевода семинаров меня. Почему? Потому что другие переводчики, будучи врачами и не очень понимая суть остеопатии, могли позволить себе сказать: «Это неправильно с точки зрения медицины, это нужно понимать так» — совершенно не передавая содержание того, о чем говорят остеопаты. Я же старалась переводить слово в слово, даже не смысл, который, как мне кажется, заложен в словах, а именно кропотливо и точно слова, сказанные преподавателем. И это им очень понравилось, и было именно то, что нужно.

Когда стало понятно, что мне будет необходимо переводить медицинскую лексику, я взяла атлас анатомии Синельникова и сама для себя составила русско-французский, французско-русский словарь терминов, которым я пользовалась и который до сих пор хранится у меня. Надо сказать, что с медициной я так или иначе всё-таки была связана: в институте на военной кафедре мы проходили курсы медсестер.

Преподаватели и участники 1-й группы слушателей Высшей школы остеопатии

— В 1996 г. Высшая школа остеопатии Парижа набирает в Санкт-Петербурге 2-ю группу слушателей. Многие из этих людей стали Вашими близкими друзьями и коллегами, весь процесс обучения проходил на Ваших глазах. Как это было?

— Это была группа, в которой учились Елена Веселовская, Елена Зимина, Людмила Евтушенко, Ирина Егорова, Татьяна Иванова, Дмитрий Мохов, Юрий Славин, Марина Степанова, Дмитрий Тимошин. Эти люди меня поразили, я до этого момента таких не встречала. Они были одержимы знаниями, увлечены этим, глубоко верили в то, что они делают нечто новое и что это новое может перевернуть мир, — и в какой-то степени это перевернуло мир. Они чувствовали, что в медицине может быть другой подход, — главным является не болезнь, которую принято лечить лекарством, а организм, к которому необходим целостный подход.

Учеба давалась им очень тяжело с материальной точки зрения. Они платили 1000 долларов за семинар. Это были огромные деньги по тем временам. Но они хотели учиться, поэтому брали смены и дежурства в стационарах, кто-то разгружал вагоны, а ведь у многих уже были семьи. За эту самоотверженность и целеустремленность можно аплодировать каждому из них. Трудности их закалили. Поэтому именно среди них появились первые лидеры — они знали цену тому, чем занимались, и любили свое дело бесконечно.

— Вы сопровождали слушателей в их поездках в школу в Париже, где у них проходили выпускные экзамены, и в Женеву, где они защищали дипломы. Можете рассказать об этих событиях?

— Да, я очень хорошо помню защиту дипломов 2-й группы в 1999 г., тогда я помогала с переводом Дмитрию Евгеньевичу Мохову по его просьбе. Я предложила ему защитить диплом не на русском языке, а на французском. Дмитрий Евгеньевич согласился и за очень небольшой период времени, слабо зная язык, выучил текст для защиты на французском. Мы много занимались, я поправляла ошибки, произношение, была проделана титаническая работа.

Выступление Дмитрия Евгеньевича на французском языке было неожиданным и произвело впечатление на всю аудиторию, в том числе на Роже Капоросси, Марка Боззетто, директора школы Атман, Мишеля Кокия, директора школы из Марселя, которые присутствовали в зале. Тогда была такая традиция: выбирать лучшего выпускника года по итогам экзаменов и защиты дипломных работ. В 1999 г. лучшим был признан Дмитрий Евгеньевич Мохов.

Я бы хотела обратить внимание на одно обстоятельство, связанное с обучением первых групп слушателей. Французские остеопаты в начале работы в России в 1994 г. сразу обозначили свою позицию — мы не учим врачей, мы хотим подготовить преподавателей остеопатии, чтобы вы преподавали сами, на родном языке, с вашим менталитетом, с вашими подходами, а мы вам будем помогать. Так и случилось — обучением 3-й группы РВШОМ по большей части занимались уже русские преподаватели.

Франсис Пейралад и слушатели
2-й группы Высшей школы
остеопатии

2-я группа во время экзаменов
в Париже, 1999 г.

2-я группа накануне защиты
дипломов (медицинский факультет
Университета Женевы)

— **В 2000 г. в Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования (МАПО) началось обучение на курсе остеопатии, что стало началом государственного образования по остеопатии в России. Что Вы, как свидетель этих событий, можете рассказать о них?**

— В 2000 г. ко мне обратился Дмитрий Евгеньевич. Он был знаком с Александром Павловичем Щербо, в то время проректором по учебной работе СПбМАПО, они много разговаривали об остеопатии и про необходимость развития обучения не в частной школе, а «по-настоящему» — в стенах государственной высшей школы. Я глубоко уважаю Александра Павловича и за профессиональные, и за человеческие качества, и, конечно, он, будучи очень мудрым, каким-то чутьем понял, что за остеопатией есть будущее, он в нее поверил. Но идея про обучение в вузе еще только была идеей, ее нужно было хорошо обдумать, понять, как будет строиться обучение, кто и за что будет отвечать. Тогда сформировалась группа заинтересованных в этой идее людей — Константин Шарапов, Андрей Червоток, Ирина Егорова и Дмитрий Мохов. Я помню, как они арендовали кабинет в поликлинике, в которой днем принимали пациентов, а по вечерам до ночи все обсуждали, обсуждали свои идеи, спорили. Часто приглашали меня, потому что нужен был взгляд со стороны, Дмитрий Евгеньевич часто меня спрашивал: «Как Вы думаете...?», и я делилась своими мыслями по тому или иному вопросу.

Тогда у них сформировались, как мне кажется, самые важные концепты будущей школы: 1) коллегиальность управления, то есть распределение ответственности по секторам: кто-то отвечает за педагогику, кто-то за финансы, кто-то за клиническую практику и так далее; 2) университетское остеопатическое образование, которое предполагает программы, методику, преподавание фундаментальных дисциплин; 3) правовое регулирование — дабы не допустить ошибок французских остеопатов, которых не признавала официальная медицина; 4) развитие науки — проблема недоверия к остеопатии со стороны врачей перед нами стояла так же остро, как и у французов. Мы посещали клиники, говорили с врачами, но нас не всегда понимали и слышали, — решением могло стать только развитие остеопатии на принципах доказательной медицины, проведение научных исследований по остеопатии.

Когда идея была сформулирована детально, мы пришли к Александру Павловичу, а он в свою очередь организовал встречу с ректором СПбМАПО Николаем Алексеевичем Беляковым. Н.А. Беляков настроен был скептически. Чтобы понять, как строится обучение по остеопатии в Европе, Дмитрий Евгеньевич и Александр Павлович организовали поездки в школу Роже Капоросси, и во вторую из этих поездок пригласили ректора. И тогда он увидел, что остеопатическая школа — это университетский уровень, грамотный подход к организации и серьезная аудитория. Одним словом, его удалось удивить и убедить. Осенью 2000 г. МАПО набрала первую группу слушателей для обучения на курсе остеопатии — наши врачи впервые получили возможность пройти обучение по остеопатии не в частной школе, а в государственном вузе. Основу коллектива преподавателей составили Дмитрий Мохов, Константин Шарапов, Ирина Егорова и Андрей Червоток.

Д. Е. Мохов, Л. М. Носаль, Международный конгресс Osteopathy Open–2015

Слева направо: П.-М. Гаже, Л. М. Носаль,
А. П. Щербо, Р. Капоросси, 2004 г.

Р. Капоросси, Л. М. Носаль, 2002 г.

Очень хорошо помню споры А. П. Щербо и Р. Капоросси о путях развития преподавания и обучения. Дело в том, что во Франции остеопатами становились сразу, без начального медицинского образования, а у нас слушатели — это взрослые люди с большим опытом в медицине, и Р. Капоросси это казалось недостатком — приходится переучивать, а А. П. Щербо — достоинством: «У наших врачей огромный опыт, они многое видели, мы пойдём по своему пути и, вот увидите, докажем, что поступили правильно...».

Для российской остеопатии это был период изменений, поиска новых путей развития. Что касается меня, то это было время сложного выбора: остаться в школе Т. И. Кравченко или начать всё с нуля с командой новой школы. Тогда Дмитрий Евгеньевич обратился ко мне и сказал: «Я Вам даю слово, что у нашей школы есть будущее, и мы всего добьемся, останьтесь с нами, Вы никогда не пожалеете». Я выбрала Мохова. И он был прав — я не пожалела.

— Сегодня Дмитрий Евгеньевич Мохов руководит самой крупной остеопатической школой в России. Как возникла идея создания Института остеопатии в Санкт-Петербурге?

— В 2006 г. произошло неоднозначное событие: с одной стороны — трагическое, с другой — давшее импульс новому витку развития. В коллективе преподавателей-osteопатов возникли противоречия, которые не позволяли больше работать вместе, и Дмитрий Евгеньевич принял очень сложное для себя решение: попробовать выстроить работу с нуля в Санкт-Петербургском государственном университете, куда он и ушел с командой единомышленников.

В тот момент Дмитрия Евгеньевича очень поддержал А. П. Щербо, по его мнению, Д. Мохов был лидером, иници-

Слева направо: Л. М. Носаль, А. П. Щербо,
Р. Капоросси, Д. Е. Мохов,
СПбМАПО, 2002 г.

атором всех событий, связанных с организацией обучения в МАПО. Некоторые надеялись, что уход из МАПО будет началом конца карьеры Дмитрия Евгеньевича, — не получилось. Обучение в СПбГУ стало успешно развиваться. Через некоторое время в МАПО назначают нового ректора, и А.П. Щербо приглашает Дмитрия Евгеньевича продолжить там работу. Но в Университете уже было сделано много, оставить все наработки просто невозможно, тогда Дмитрий Евгеньевич находит потрясающее решение — заключить договор и объединить курс остеопатии МАПО и Институт остеопатии СПбГУ. Так в 2008 г. был создан Институт остеопатии Санкт-Петербурга.

— Вы участвовали и в уникальном цикле семинаров, организованном совместно Институтом остеопатии Санкт-Петербурга и Collège d’Energétique Traditionnelle Chinoise S.F.E.R.E. — Остеопатия и традиционная китайская медицина. Как этот проект появился?

— Кажется, это был 2002 г. Моя хорошая подруга Елена Веселовская, врач-остеопат, как-то рассказала мне, что в Париже посетила замечательный семинар Режиса Блена по традиционной китайской медицине, который «перевернул её сознание». Она очень хотела познакомить меня с ним, зная, что это может быть интересно слушателям нашей школы. Мы познакомились с Режисом Бленом по телефону, я узнала, что он скоро будет в Петербурге и предложила ему провести у нас семинар. Он провел его, после чего темой китайской медицины очень увлекся Константин Шарапов. Вообще, говоря о Константине Шарапове, я хочу сказать о моей симпатии к нему как к человеку, влюбленному в дело, увлеченному делом, который очень много сил приложил для того, чтобы стать остеопатом.

Режис Блен познакомил нас с Жан-Пьером Гильяни, который пригласил нас к себе, принимал с большой теплотой в своем доме и организовал двухдневный семинар специально для нас. Это знакомство очень значимое для меня. Жан-Пьер и его жена стали моими большими друзьями. Они много изменили во мне самой — их чистота, отношение к людям, вера в то, что они делают...

Жан-Пьер Гильяни обладает колоссальными знаниями, уникальными по своей глубине. Он изучал восточную медицину, иврит. Он создал единственный курс китайской медицины для остеопатов. Это нас и заинтересовало. Потому что никто не хотел оставлять остеопатию, мысли были только о том, чтобы углубить и расширить знания. Первые семинары в Петербурге организовал Константин Шарапов, а затем эти же курсы проводились в стенах Санкт-Петербургского государственного университета. Так и появился цикл «Остеопатия и традиционная китайская медицина», в рамках которого преподают и французы, и наши остеопаты. Большую роль в разработке и успешной реализации этой программы принадлежит Евгении Евгеньевне Ширяевой.

Ф. Пейралад, Т.И. Кравченко, Л.М. Носаль
в Институте физиологии им. И.М. Сеченова

Д.Е. Мохов во время научного исследования

— Благодаря Вам российские врачи познакомились с известным французским остеопатом Жан-Пьером Амигом, семинары которого проводятся ежегодно и вызывают большой интерес. Как Вы с ним познакомились?

— Жан-Пьер Амиг занимает особое место в моей жизни. Я познакомилась с ним на одной из международных конференций, в которой мы участвовали с Дмитрием Евгеньевичем. Это был 2002 г. В тот момент у Амига был перерыв в работе, потому что для него наступил момент, когда необходимо было переосмыслить то, чем он занимается. Он искал новые возможности, новые подходы, чтобы развивать их. Я пригласила его в Россию. Его особый подход представлял из себя синтез остеопатии, традиционной китайской медицины и биодекодирования, знания о котором он получил от Клода Саба, которого я очень хотела пригласить к нам. Не получилось, но интерес к этой теме у меня остался, и вместе с Амигом появилась прекрасная возможность познакомить с этим направлением наших остеопатов.

Также мне посчастливилось присутствовать на приемах Ж.-П. Амига и наблюдать, как он работает с пациентами. Дело в том, что в 2001 г. Ольга Владимировна Ящина открыла в Москве первую частную остеопатическую клинику «Остмед», в которой она планировала организовать прием зарубежных остеопатов, поэтому попросила меня ей помочь. Почему попросила меня? Слу-

Л. М. Носаль и Д. Е. Мохов, СПбМАПО

Ж.-П. Гильяни, Г. Гильяни, А. Н. Шеповальников
и сотрудники Института остеопатии Санкт-Петербурга

Ж.-П. Амиг и Л. М. Носаль на семинаре

чайного человека быть не могло, нужен был кто-то, кто будет не просто переводить, но и понимать, что он переводит, все нюансы, связанные с остеопатией.

Первые два года я работала с Сержем Паолетти и Тьерри Лебурсье, потом 6 лет с Жан-Пьером Амигом. Сказать, что эти 8 лет, а особенно 6 лет рядом с Жан-Пьером Амигом изменили мою жизнь — ничего не сказать. Насколько интересными и необычными были приемы Амига — не передать словами, он имел огромный успех у пациентов, и люди к нему приходили порой с физическим недугом, а в процессе приема выяснялось, что причина в психологическом состоянии. Он как бы расшифровывал патологии, и только после этого начинал остеопатическую коррекцию. Амиг многое изменил в моей жизни, в понимании мира и отношении к людям, их недугам. До сих пор Жан-Пьер проводит семинары для наших остеопатов, их посещает много людей.

— Насколько большая работа проводится Вами в Институте остеопатии Санкт-Петербурга сейчас?

— Моя работа переводчика переросла в создание международного отдела Института остеопатии, которым я сейчас руковожу. Мы проводим большую и серьезную работу, которая подразумевает много аспектов. Это и 18 международных конгрессов «Osteopathy Open», на которые мы приглашаем лекторов и слушателей из разных городов и стран, это и семинары, и вебинары, циклы повышения квалификации, проводимые самыми известными остеопатами, учеными со всего мира. Например, 2022 г. мы решили посвятить педиатрии, неонатологии, их практическому аспекту и знакомству с передовыми научными достижениями, и нашими лекторами стали известные остеопаты. С нами с огромным удовольствием сотрудничают самые известные школы и лекторы, ведь остеопаты, имеющие ещё и серьезное медицинское образование, не только учатся, но активно участвуют в научных исследованиях.

Наши преподаватели теперь стали активно выступать на конгрессах в Европе, Израиле, Японии, на конференциях регистров других стран. Подготовка каждой такой поездки — это тоже наша работа. За несколько лет мы перевели и издали более 20 книг, посвященных разным аспектам

Ж.-П. Амиг и Л. М. Носаль

Ж.-П. Гильяни и Л. М. Носаль

остеопатии. Постоянно сотрудничаем с иностранными журналами, публикуя там результаты наших научных исследований и получая от них наиболее интересные материалы зарубежных ученых. Большое место в работе занимают и контакты с международными ассоциациями — Российская остеопатическая ассоциация стала единственным полным членом Международного остеопатического альянса OIA, и наши преподаватели стали членами ряда комитетов. А сколько ещё планов, идей!

— Вы говорили о том, что многие из Ваших коллег стали для вас очень близкими людьми, можете рассказать о них?

— Моя жизнь — это не просто остеопатия, это переплетение судеб. Судьба меня всегда подталкивала к общению с лучшими, и оставались рядом со мной лучшие, самые близкие и дорогие. Когда мы начинали развивать сотрудничество остеопатов и стоматологов, я познакомилась с удивительными людьми, врачами-стоматологами Александром Дмитриевичем Чечиным, Владимиром Яковлевичем Новиковым. Благодаря Владимиру Яковлевичу я на собственном примере убедилась, какой может быть стоматология. Это сейчас я понимаю, что тогда он в подходе, который применял, опередил время. Без сомнения, все годы в Институте остеопатии — это работа с прекрасными людьми — Юлия Михайловна Емельянова, Екатерина Александровна Воеводская, Елена Сергеевна Трегубова, Юлия Олеговна Кузьмина, — мы были и остаемся одной командой. Я горжусь тем, какие специалисты работают в международном отделе, которым я руковожу, — Ольга Старцева, Надежда Григорьева. Вклад каждого из этих людей бесценен.

Дмитрий Евгеньевич Мохов... Для таких людей нет преград, которые невозможно преодолеть, нет неразрешимых проблем. Его любимая фраза — «Вместе вперед!» Это вызывает мое глубокое уважение, преклонение и любовь. Если бы 20 лет назад кому-нибудь сказали, что в России появится специалитет по остеопатии, никто бы не поверил, но в этом году первые студенты поступили и обучаются по этой программе, и я безмерно горжусь этой новой победой. Горжусь достижениями всего коллектива, горжусь тем, что российская остеопатия теперь уважаема во всем мире. Остеопатия зародилась в Америке, облетела весь земной шар и получила расцвет в России.

— Как бы Вы ответили — что такое остеопатия?

— Есть распространенная фраза: остеопатия — это медицина, искусство, философия. Я задумалась, а что это для меня? Думаю, что для меня это всё-таки искусство, потому что это понятие объединяет всё — искусство невозможно без философии, медицина считалась искусством во все времена. Поэтому для меня остеопатия — это великое искусство, которому я посвятила свою жизнь.